

художников-экспрессионистов. Они соотносятся с произведениями художников эпохи Возрождения и классицизма (С. Боттичелли, А. Альддорфера, Д. Тенирса, Н. Пуссена) и противопоставляются искусству Третьего рейха (Арно Брекер, Фриц Климш), которые описываются как плохое подражание античности.

Основные конфликты в романе связаны с этим «внутренним» сюжетом, авторская оценка персонажей определяется их отношением к искусству.

Первая группа персонажей, – это работники музея, которые в начале романа представлены как четыре трупа, описание которых становится одним из лейтмотивов романа. Основным из них является и. о. и. о. директора герр Хоффман. Каждому из персонажей в романе соответствует свое художественное произведение, причем «статус» произведения коррелирует со «статусом героя». Вторая группа персонажей, это американцы, наиболее важный из которых, капрал Нил Перри, недолго изучал искусство.

Идеологически наиболее значима «немецкая» сюжетная линия, где конфликт строится вокруг произведений искусства, и это, прежде, всего конфликт и. о. и. о. директора герра Хоффмана и эсесовца штурмфюрера СС Клауса Бенделя. Этот эпизод демонстрирует сходство Бенделя и Хоффера в части их страсти к искусству, и именно это делает возможным следующий этап конфликта, когда Бендель пытается найти спрятанную Хоффером картину Ван Гога. Бендель описан как типичный нацист: представитель «высшей» расы, блондин, осознанно служит режиму, придерживается постшпенглеровских взглядов на природу искусства.

В моральном отношении герр Хоффер с его множественными ошибками, компромиссами с режимом, отношением к семье как будто проигрывает спасающему людей американцу Нилу Перри, оба героя погибают, что не дает возможности однозначно сказать, за кем из них будущее, но противопоставление европейской культуры и американского утилитаризма как прошлого и будущего не оставляет сомнений в авторской оценке этого будущего, и эта оценка вполне ясна только в случае понимания значения темы искусства в романе.

Библиографический список

1. Cooke R. Interview: Adam Thorpe: 'One can hardly say I've been unambitious'// The Observer Fiction. 16 Dec 2012. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/dec/16/adam-thorpe-interview-ulverton-flight>.

Хацкевич Татьяна Маратовна

*канд. филол. наук, доцент (Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург, Россия)
ta-ta89@mail.ru*

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДРУГОЙ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье дан обзор современной английской прозы, акцентирующей внимание на осмысления образа Другого из Восточной Европы на примере романов Д. Коу, О. Мэннинг и А. Торпа.

Ключевые слова: *автообраз; гетерообраз; Джонатан Коу; Оливия Мэннинг; Адам Торп.*

Интерес к имагологическим исследованиям не угасает, они носят междисциплинарный гуманитарный характер, что позволяет рассматривать национальные образы многоаспектно. В существующей сегодня социально-политической

ситуации изучение образа восточноевропейского Другого представляется актуальным, и особенно интересным является взгляд на подобного Другого в ходе анализа национальных текстов культуры Великобритании. Значимость работы заключается в выявлении гетеростереотипов, на которых выстраивается национальный образ, лучшее понимание проблем в восприятии образа другими нациями позволит транслировать его в более презентабельном виде благодаря отказу от стереотипов-фикций.

Целью работы является выявление и изучение образа восточноевропейского Другого в произведениях английской художественной литературы. К основным задачам исследования можно отнести анализ источников, посвященных имагологическим исследованиям, отбор художественной литературы с интересующим образом, выявление гетеростереотипов, способствующих зарождению образа и изучение истоков появления данных стереотипов.

Вопрос национального образа не теряет актуальности, несмотря на то, что он постоянно дополняется новыми деталями, его сущность остается практически неизменной на протяжении многих лет. Такое стабильное состояние объясняется тем, что национальный образ не может существовать независимо от стереотипов, которые являются консервативным образованием, они отличаются исторической устойчивостью, часто выступают как символы или мифы, однако нельзя говорить об их абсолютной неизменности. Один из важнейших аспектов подмеченный американским ученым У. Липпманом при исследовании стереотипов заключается в том, что создание образа развивается от определения собственной позиции, то есть оценка чужого происходит на основе мнения, сложившегося в собственной культуре, что указывает на отсутствие объективного суждения или эмпирической базы мнения.

Стереотип является значимой составляющей личной, и как следствие, социальной идентичности: члены социальной группы, как правило, внутри «своих» обращают внимание на общность черт, в то время как при взаимодействии с другими группами подчеркиваются различия. Следует обратить внимание на функции стереотипов выделенные Анри Тайфелем: *«В первом случае стереотипы помогают социальной группе ориентироваться в сложных реалиях современного мира, во втором – обосновывать, оправдывать поведение по отношению к другим группам, в третьем – сохранять отличия от других групп»* [1, с. 13], как следствие, образ, созданный при помощи подобных стереотипов, не всегда близок к действительности. Возникает проблема национальных образов-фикций, в которых определенные характеристики приписываются всем членам группы, происходит обобщение, т. е. уже неважно в какой мере черты присущи отдельному представителю группы.

Среди стереотипов можно выделить два основных типа: автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипами считают ориентиры принятые индивидами, соотносящими себя с социальной группой «своих», гетеростереотипы представляют собой представления о «других». Автостереотипы в большей степени положительны и сложно организованы, в то время как гетеростереотипы отрицательны, схематичны, часто искажены и преувеличены. Таким образом формируется автообраз, то есть видение собственной общности, и гетерообраз, являющийся репрезентацией другой нации. Стереотипы становятся ключевым структурным компонентом национального образа, они запечатлеваются в текстах культуры и «формируют национальный текст культур» [1, с. 17].

В область интересов данного исследования входит гетерообраз восточно-европейского Другого, изучаемый сквозь призму отношения англичан. Однако для лучшего понимания ситуации следует обратиться к образу европейского Другого, для английского национального сознания он становится референтным Другим, то есть воспринимается как нация-соперник. Интересно, что в данном случае Другой признается равным, но при этом не предполагается обязательный позитив, основная задача – сделать соперника подданным британской короны. Исследователь Л. Ф. Хабибуллина среди референтных наций выделяет французов и англичан, позже таковыми становятся и немцы: *«первые ассоциируются у англичан со свободными передовыми взглядами, а вторые – с культурой и религиозностью. Постепенно, особенно со второй половины XX века, значимыми другими становятся немцы, образы которых часто играют роль «Другого Я», соотносимого с „Я“ не столько через различие, сколько через сходство»*, [2, с. 174] в литературе француженки, как правило, изображены меркантильными и легкомысленными натурами, в качестве примеров таких образов можно назвать Селин Варанс в «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и Аннет Ламот в «Саге о Форсайтах», несерьезность и сомнения в верности отмечаются по отношению к Флер Делакур в романах о Гарри Поттере Джоан Роулинг. Однако все чаще акцент смещается в сторону русской нации, это демонстрируется романами К. Эмиса «Эта русская», Э. Бёрджесса «Железо, ржавое железо», У. Бойда «Не знающая покоя», М. Брэдли «Обменные курсы» и других.

Обращение к восточноевропейскому Другому связано с дискурсом завоевания, часто в тексте произведения появляется «захват» колониальной или русской Другой. В романе А. Торпа (1956) «Затаив дыхание» («Between Each Breath», 2007) восточноевропейский Другой, а точнее Другая, представлена в образе эстонки Кайи. Автор романа описывает «колониальный захват» и «вторжение» англичан в идентичность эстонцев, Адам Торп обращается к проблеме разрушительного влияния Запада на Восток, а не наоборот, как это принято в национальной литературе.

Однако в большинстве произведений восточноевропейский Другой так и остается непонятым, непринятым и наделенным только отрицательными характеристиками, кроме того, он представляет угрозу для Британии. Одним из таких примеров можно назвать румынку Ливию из романа Джонатана Коу (1961) «Номер 11» («Number 11», 2015). В этом произведении отношение к восточноевропейскому Другому не трансформируется, подобный Другой угрожает английскому благополучию, он мигрант, вторгающийся в размеренную жизнь общества, автор демонстрирует эту опасность метафорически, однако постановка вопроса очевидна, одновременно с этим вскрываются и другие социальные проблемы.

В произведении Оливии Мэри Мэннинг «Балканская трилогия» («Balkan trilogy», 1960–1965) также встречается восточноевропейский Другой, на фоне Второй мировой войны восприятие образа Другого меняется, так как образуются противоборствующие коалиции. Такое положение дел превращает референтные нации в Своих среди членов союза и Других в частном сотрудничестве, так, например, случается в период работы британской миссии в Бухаресте. В то время как врагам, а именно русской армии, в большей степени, чем немецкой армии приписываются отрицательные характеристики.

Образ восточноевропейского Другого практически не претерпевает изменений, как правило, отношение к нему может меняться на территориях, попадающих в зону интереса влияния Великобритании, описание подобного образа-мигранта остается в негативных коннотациях, предполагается угроза «своему» сообществу от Другого, если образ помещается в национальный топос (мигрант в Англии). В ситуации войны восточноевропейский Другой предстает врагом, слабым звеном или человеком, не заслуживающим доверия.

Библиографический список

1. Поляков, О. Ю. Имагология: учебное пособие / О. Ю. Поляков. – Киров: ВятГУ, – 2015. – 184 с.
2. Хабибуллина, Л. Ф. Образ восточноевропейской Другой в романе А. Торпа «Затаив дыхание» / Л. Ф. Хабибуллина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2022. – № 3. – С. 174–179. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vostochnoevropeyskoy-drugoy-v-romane-a-torpa-zataiv-dyhanie> (дата обращения: 24.06.25).

Чернозёмова Елена Николаевна

*докт. филол. наук, профессор (Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия)
chernomet888@yandex.ru*

ОБРАЗЫ ОБЕЗДОЛЕННОГО ДЕТСТВА В АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье раскрывается влияние литературных образов трагической судьбы ребенка в романах Ч. Диккенса и В. Гюго на живописные сюжеты русской художницы М. Башкирцевой.

Ключевые слова: тема обездоленного детства, детские образы, способы создания, основные черты.

Внимание исследователей неоднократно привлекала тема детства в творчестве Ч. Диккенса, отразившая личные впечатления писателя и позволяющая проследить отношение автора к проблеме становления личности. При этом в поле зрения оказывались не только ранние романы «Приключения Оливера Твиста» (1838), «Николас Никльби» (1839), «Мартин Чездвиг» (1844) но и произведения зрелого Диккенса «Дэвид Копперфилд» (1850), «Тяжелые времена» (1954), «Крошка Доррит» (1857), «Большие надежды» (1861). При этом рассматривались способы создания образов, их функции, в числе которых назывались роль в осмыслении и освещении становления личности, приговор несправедливому социальному устройству, ведущему к процветанию социального и реального сиротства [1–3].

Не менее яркими и значимыми оказались детские образы в произведениях В. Гюго (Козетта, дети Тенардые в «Отверженных» (1862), персонажи сборника стихов «Искусство быть дедом»).

Ко второй половине XIX века относится творчество двух молодых французских художников Марии Башкирцевой (на раннем этапе работавшей под псевдонимом Поль Борель, 1858–1884) и ее учителя и друга Жюль Бастьена-Лепажа (1848–1884). Мария ушла из жизни в 25 лет. Жюль умер через пять недель после ее смерти. Художников объединяет общность эстетических по-